
С. Бодрунов

**НА ПУТИ К НООНОМИКЕ:
ЧЕЛОВЕК, ТЕХНОЛОГИИ, ОБЩЕСТВО**

Принципиальные положения концепции нового индустриального общества второго поколения (ННО.2) и ноономики, постулирующие переход в перспективе к новому осознанию человеком своего бытия, ценностей и задач, отход от «зоопринципов» современной экономической парадигмы в пользу продвижения в рамках формирующейся ноокритериальной платформы развития человека и общества, получили неожиданное подтверждение.

Актуальный вывод

Начало 2020 г. с высокой степенью вероятности стало началом нового периода в развитии экономики и общества. Сперва робкие предвестники нового финансового кризиса и нефтяной шок, а затем все более мощное наступление пандемии COVID-19 поставили перед человечеством и перед нашей страной – как наиболее актуальные, в абсолютно практической уже плоскости – те проблемы, которые еще недавно казались сферой абстракций и представляли интерес преимущественно для социальных философов и футурологов. Это проблемы глобальных угроз, выдвигающих на первый план задачи обеспечения здоровья, жизни, стабильности, а не темпов экономического роста и прибыли. Мы такой поворот предвидели и не раз писали об этом в своих работах¹.

Сергей Дмитриевич Бодрунов – доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (г. Санкт-Петербург).

¹ Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. С. 143; Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция. 2018. С. 134–140, 182–184.

В данной статье хотелось бы напомнить читателю суть этого поворота и указать как на общее направление решения проблемы, так и, в особенности, на конкретное развитие отношений солидарности, ассоциированного производства и потребления. Именно они стали все более активно прогрессирующими практиками в последние годы, с одной стороны, и своеобразными индикаторами развития новой экономики, более продвинутой в формировании экономической реальности НИО.2 – с другой.

Эти наши исследования представляют собой еще один, не затрагивавшийся в предыдущих работах, аспект (и в некотором смысле дополнение) тех выводов, которые были сделаны автором ранее в развитие идей ряда российских ученых². Речь идет об обосновании необходимости реиндустриализации российской экономики³, применении практики стратегического планирования, разработке и реализации активной промышленной политики, реальном развитии государственно-частного партнерства и интеграции высокотехнологичного производства, науки и образования с целью достижения не только высоких темпов экономического роста, но и высоких результатов в сфере технологического, социально-экономического и культурного развития.

Это весьма важно, во-первых, само по себе (высокие технологии есть имплементация передового научного знания – базового экономического ресурса новоиндустриальной экономики, и использование этого ресурса стало важным условием вхождения в очередной технологический уклад и интенсификацию экономического роста и развития). Во-вторых, из-за того, что именно технологическая модернизация экономики нашей страны (и только она суть необходимое условие!), проведенная на передовой основе, позволит решить социальные задачи нынешней России и обеспечить ее успешное конкурентное будущее.

Все эти конкретные положения были и остаются слагаемыми общей концепции продвижения цивилизации к НИО.2 – системе отношений и институтов экономики, где главную роль играет высокотехнологичное знаниеемкое материальное производство. И далее – к ноономике, пространству, которое лежит «по ту сторону» собственно экономических отношений, миру, в котором человек выполняет преимущественно творческие функции.

Подчеркнем, глобальные проблемы, резко обострившиеся в 2020-м, подтверждают наш общеконцептуальный вывод: человечество может

² Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М., 2003; Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс. М.: Книжный мир, 2017.

³ Бодрунов С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / Монография / Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Вып. 2. СПб, ИНИР, 2015.

и должно двигаться к ноономике, где трансформируются, переходя в новое качество, приоритеты частного присвоения, «производства денег из денег» при финансовых трансакциях и т.п. явления и где на первый план выходят задачи скоординированного развития человека на базе качественно нового типа материального производства.

Более того, мы неоднократно писали⁴, что продвижение к ноономике – это объективный тренд, помешать реализации которого может только глобальная катастрофа (технологическая, экологическая, социально-политическая), что чревато сохранением и продолжением негативных трендов нынешнего мирового экономического развития. Катастрофа пока не наступила, но пандемия, безусловно, стала тем явлением, которое указало на актуальность поиска и скорейшей практической реализации шагов по направлению к иной, нежели основанная на финансиализации и рыночном фундаментализме, системе общественных отношений и экономических институтов.

Сделанный нами задолго до коронавируса вывод сегодня оказался сугубо актуальным.

Собственность имеет значение

Задача данной статьи, однако, – не только и не столько напоминание о высказанных нами идеях, сколько попытка сделать очередной шаг в теоретическом развертывании обозначенной концепции, исследовании социально-экономических отношений и институтов, которые должны сформироваться с тем, чтобы сделать максимально эффективным и наименее конфликтным продвижение к НИО.2 и ноономике.

Такая стратегически ориентированная аналитическая задача обусловливает необходимость изучения не только процессов функционирования экономики, но и объективных социально-экономических отношений и их экономико-волевых форм – институтов. Под ними мы, в соответствии с мировыми традициями, понимаем не только определенных акторов, но и правила игры, причем – как формально-юридические, так и неформальные, но реально действующие в экономике.

Для понимания этих проблем необходимо обратиться к феномену под названием «собственность». Его исследование наиболее активно ведется в рамках институциональной и политико-экономической

⁴ Бодрунов С. Д. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. №4; Бодрунов С. Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, 2018. №2 (56). С. 5–13; Бодрунов С. Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. №1 (59). С. 4–8.

традиций. В последнем случае речь идет об объективном отношении между людьми, посредством которого осуществляется владение, распоряжение и присвоение тех или иных объектов собственности – вещей, денег, информации и даже человеческих качеств. Существенно, что при политико-экономическом подходе обращается внимание не только на формы собственности (частная, общественная и их производные), но и на конкретно-историческое содержание этих отношений. Так, за формой частной собственности «капитал» может скрываться и рабовладение, и наемный труд, а за формой общественной собственности – государственно-бюрократическое отчуждение народного достояния от граждан или безграничное присвоение общественных благ, принадлежащих каждому (как, например, в общедоступной библиотеке).

В рамках институциональной теории справедливо отмечается, что собственность – это сложная система институтов, многоаспектный пучок прав собственности. Ее исследование предполагает междисциплинарный подход, т.е. рассмотрение не только политико-экономических и институциональных, но и философских, юридико-правовых, социальных аспектов. Эти теоретические предпосылки будут лежать в основе ряда последующих выводов.

Как таковая собственность – одно из важнейших отношений и, соответственно, один из базовых институтов, которые обеспечивают прогресс (если они адекватны вызовам технологий) или регресс (если они неадекватны задачам технологического и социального прогресса) экономики.

Мы рассматриваем технологические сдвиги как важнейший фактор, вызывающий сдвиги в общественном устройстве, подводящие нас к порогу НИО.2. Вместе с изменением технологической основы производства меняются и все его остальные компоненты – характер труда, продукта, организации производства. *Но главное, что следует подчеркнуть, – все эти изменения влекут за собой изменения в экономических отношениях, в характере отношений собственности, присущих этому новому поколению индустриального общества.*

Даже на современном этапе развития общества, еще до того, как состоялся переход к НИО.2, можно заметить тенденции в эволюции отношений собственности, ведущие к их социализации и «размыванию». Отношения собственности, в особенности частной, должны были закреплять за собственником бесспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обрастанию собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

Взять хотя бы многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определен-

ных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, санитарного режима, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности как регулирующих экономический оборот главного ресурса современного и особенно перспективного производства – знания. Здесь видны такие явления, как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам.

Вместе с тем происходит достаточно жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности. Это соответствует в развитии отношений собственности двум прямо противоположным тенденциям, которые можно проследить в современной экономической системе: интенсификации приватизации и размыванию права собственности вплоть до полного отказа от нее.

Эти изменения можно сравнить с тем, что происходило столетия назад в Европе (особенно интенсивно – в XVIII-XIX вв.), когда под влиянием технологического прогресса (индустриализации!) одна система отношений и институтов собственности (феодалная) медленно и неравномерно трансформировалась в другую – частнокапиталистическую.

Начало не менее глубокой трансформации мы переживаем и сейчас. Под влиянием генезиса нового качества технологий вследствие начала перехода к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике, началась трансформация отношений собственности и капитала. Эта трансформация, еще раз подчеркнем, противоречива. С одной стороны, присутствует тренд отчуждения собственности от большинства, концентрации богатства в руках 1% населения – то, что Д. Харви обозначил категорией «dispossession»⁵, и что можно перевести как «лишение собственности». Но, с другой стороны, есть и прямо противоположная тенденция – отказ от отношений присвоения, распоряжения и даже использования посредством развития форм *совместного выполнения этих функций потенциально неограниченно широким кругом акторов*. Первая тема в данном случае не затрагивается, а вторая – обозначается как проблема «отказа от собственности».

Проявления и формы последнего тренда хорошо известны и активно развиваются в современной экономике. Это различные при-

⁵ Harvey D. The New Imperialism. Oxford. Oxford University Press. 2003. P. 144–149.

меры совладения, соиспользования, сопотребления, сороботы (большинству в настоящее время более известны англоязычные термины: *sharing, coworking, coliving* и др.). Эта тенденция получила разные наименования, – *collaborativeconsumption, collectiveconsumption, gigeconomy* – но наиболее широко употребляемым стал термин *sharing economy* (шеринговая экономика).

На пути к ноономике: шеринг

Стоит заметить, что явления шеринговой экономики – отнюдь не современного происхождения. Она имеет корни еще в архаических сообществах, и есть исследования, где прослеживается как взаимосвязь этих архаических отношений (в том числе отношений дарообмена на принципах реципрокности) с шеринговой экономикой, так и отличия между ними⁶. Более современные примеры шеринговой экономики, существовавшей в XX в. в небольших локальных сообществах, преимущественно сельских (в том числе в форме кооперативов) показаны в работе Ф. Мосманна⁷.

Однако значительное внимание исследователей шеринговая экономика привлекла только в начале XXI в., и это было связано с быстрым ростом ее новых форм на платформе современных информационных и телекоммуникационных технологий. Во втором десятилетии XXI в. происходит взрывной рост публикаций по шеринговой экономике (рис. 1).

Одним из первых отреагировал на этот феномен в 2004 г. Й. Бенклер в своей книге «Делиться по-хорошему: о разделяемых благах и о зарождении шеринга как способа экономического производства». Он сразу же подчеркнул, что в шеринговой экономике меняется природа критериев и мотивов человеческой деятельности: «шеринг в области разделяемых материальных благ и коллективное производство информации, программного обеспечения и, в широком смысле, культурных благ схожи с идеальным рынком в их общественных характеристиках, но с социальными сигналами и мотивациями, заменяющими деньги как средство генерировать информацию и мотивировать деятельность»⁸.

⁶ *Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 715–734.*

⁷ *Mosmann P. C. Renaissance of Shared Resource Use? The Historical Honeycomb of the Sharing Economy // Perspectives on the Sharing Economy. Edited by D. Wruk, A. Oberg and I. Maurer. Cambridge Scholars Publishing. 2019. P. 32–33.*

⁸ *Benkler Y. «Sharing Nicely»: On Shareable Goods and the Emergence of Sharing as a Modality of Economic Production // The Yale Law Journal. Vol. 114. P. 273–358. P. 343.*

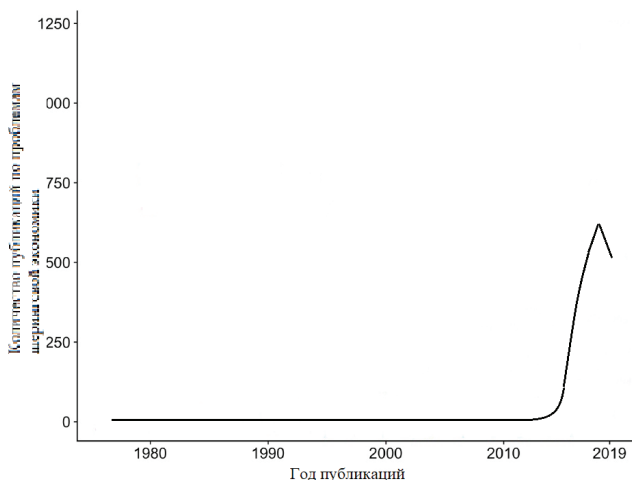

Рис. 1. Динамика журнальных публикаций на некоторые современные экономические темы, включая шеринговую экономику (по данным базы Scopus от 02.09.2019)

Источник: *Laurenti R., Singh J., Cotrim M.C., Toni M., Sinha R. Characterizing the Sharing Economy State of the Research: A Systematic Map // Sustainability. 2019. 11. P. 9.*

Этот вывод, сделанный в 2004 г., когда шеринговая экономика делала самые первые шаги, может показаться чересчур поспешным. Другие теоретики не отрицали утилитарные мотивы в шеринговой экономике, хотя и подчеркивали, что ее основы прямо противоположны принципу частного владения⁹.

Действительно, дальнейшее развитие шеринговой экономики демонстрирует сочетание различных мотивов, среди которых экономическая рациональность, основанная на денежных расчетах, тоже присутствует. Эмпирические исследования, проведенные уже на базе существенно более широко развернувшейся шеринговой экономики, привели к выводу, что в рамках этого типа экономического взаимодействия складывается комбинация «эмоционального и рационального принятия решений, как мотиваций, основанных на индивидуальных интересах, так и просоциальных мотиваций, компенсации в обмене, основанных на денежном и неденежном вознаграждении...»¹⁰.

Эти тезисы имеют большое значение: здесь западные авторы, принадлежащие к «основному течению» экономической мысли, специально выделяют неденежные, общественные ценности и мотивы как

⁹ *Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. Volume 36. Issue 5. February 2010. P. 728–730.*

¹⁰ *Torrent-Sellens J. Collaborative Behavior and the Sharing Economy: Pan-European Evidence for a New Economic Approach // Strategy and Behaviors in the Digital Economy. Edited by Orlando B. London. IntechOpen. 2018. P. 6.*

важное слагаемое новых отношений, складывающихся в шеринговой экономике.

Зафиксируем это, ибо для наших последующих размышлений и выводов указание на генезис отношений, идущих дальше чисто рыночных экономических взаимодействий, принципиально важно. В самом деле продвижение к ноономике предполагает развитие не-денежной, если угодно, постденежной мотивации, и в данном случае мы видим реальные практики, идущие именно в этом направлении. Таков лишь один из аспектов рождающегося на наших глазах генезиса ассоциированных форм производства и потребления.

Какими же побудительными мотивами и факторами определяется современное широкое распространение шеринговой экономики?

Главный из них – практическая мотивация отказа от собственности в пользу иных, более простых, более дешевых, более прогрессивных с социальной, экологической и этической точек зрения способов использования благ, нежели собственность на них.

Все исследователи, независимо от их научной ориентации, констатируют, что потребители «вместо того, чтобы покупать вещи и владеть ими, хотят получать доступ к благам и предпочитают платить за практику временного доступа к ним»¹¹. Подтверждает это и М. Мангер: «люди, по существу, не нуждаются в вещах. То, чего они хотят – это поток услуг, который обеспечивают вещи в течение определенного времени»¹².

Выбирая совместное проживание, модель «делимобиль» (или совместное пространство для работы), акторы всякий раз исключают такие негативные аспекты собственности, как обременение, зависимость от объекта и функций собственности, ответственность («Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу» – гласит п. 2 ст. 14 Конституции ФРГ¹³) и т.п.

Более того, во всех этих случаях происходит своеобразное «расслоение», «расщепление» собственности по нескольким линиям: присвоение-владение-распоряжение-использование; распределение каждого из элементов пучка прав собственности между множеством акторов в пространстве и (или) во времени; и (или) по функциям (акционер-менеджер-работник); по властным полномочиям.

Последнее требует комментария: власть и собственность – коррелируемые понятия. Собственность предельно обеспечивает власть

¹¹ Bardhi F., Eckhardt G. M. Accessbased consumption: The case of car sharing // The Journal of Consumer Research. 2012. N 39(4). P. 881–898.

¹² Munger M. C. Tomorrow 3.0: The Sharing Economy // The Independent Review. Volume 20. Number 3. Winter 2016. P 391.

¹³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Nr. 1.

собственника по отношению к объекту собственности (вплоть до таких форм, как рабoВЛАДЕНИЕ). Соответственно, нарушение прав собственности, как правило, связано с использованием волевых отношений – формально-правовых или неформальных, вплоть до преступных, насильственных действий. Названные формы приводят к постепенному расслоению властных полномочий, а вместе с тем к «засыпанию» властных аспектов общественных отношений в сфере производства в широком смысле слова (в единстве с обменом, распределением и потреблением).

Отсюда вывод: значение власти как института при ноопереходе будет снижаться/размываться/расщепляться (что и происходит в историческом процессе). Соответственно, и роль государства как субъекта властных полномочий, обобщенного *владельца* прав на развитие общества, при продвижении к ноономике будет снижаться.

Перед нами, таким образом, объективный тренд: эволюционное, постепенное, но неуклонное продвижение по пути развития различных форм и аспектов ассоциирования собственности. Речь идет не о практиках «кавалерийской атаки на капитализм», а о самых современных, зарождающихся в сферах высоких технологий формах совместного использования в процессе труда, в свободное время, при потреблении самых разнообразных благ: знаний и информации, зданий и сооружений, оборудования, транспортных средств и даже средств обеспечения жизнедеятельности.

Выделим *основные блоки шеринг-экономики*:

- распределение различных правомочий собственника между различными акторами экономики (акционерами, менеджерами, работниками и др.);
- совместное использование факторов производства (коворкинг, лизинг, аутсорсинг и т.п.);
- совместное потребление (каршеринг, коливинг и др.)
- просьюмеризм (соединение производства и потребления в одном процессе);
- и многое другое.

Оборот современной шеринговой экономики составляет сотни миллиардов долларов в год. Только в Китае, согласно докладу консалтинговой фирмы iiMedia Research, оборот шеринговой экономики достиг в 2019 г. 1,05 трлн долл., а в 2020 г. может составить 1,28 трлн долл.¹⁴. Доля шеринговой экономики приблизилась тем самым к 8% ВВП Китая.

Наибольший удельный вес в шеринговой экономике имеет каршеринг, и его рост стал одним из наиболее важных индикаторов развития всего сектора (рис. 2). Рост каршеринга обогнал самые оптими-

¹⁴ China sharing economy market to exceed 9 trln yuan: report // Xinhua. 2019–11–02. (http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/02/c_138523206.htm).

стичные прогнозы. Так, в августе 2016 г. предполагалось, что в 2025 г. число пользователей достигнет 36 млн¹⁵, но уже в 2018 г. их число превысило 50 млн!

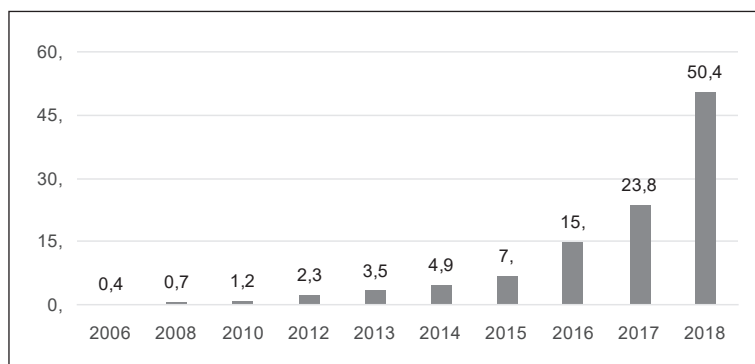

Рис. 2. Рост количества пользователей услуг каршеринга (млн чел.) 2006–2018 гг.

Источник: расчеты автора

Помимо классической аренды автомобилей и каршеринга, существуют проекты развития сервисов, предоставляющих транспортные средства по подписке и другими путями¹⁶. Шеринговая экономика развивается не только в сфере временного совместного использования автомобилей, но и в такой консервативной сфере, как недвижимость. На российском рынке недвижимости развивается относительно новый сегмент предложения – апарт-отели и коливинги. Первые предлагают возможность временного использования комфортабельного жилья с сопутствующими услугами (уборка, стирка, доставка еды), вторые – возможность сэкономить на совместном найме и использовании жилых помещений.

Съем квартир вскладчину несколькими жильцами практиковался и раньше, но теперь девелоперы строят специальные жилые комплексы, предназначенные именно для такого вида аренды. Девелоперы чутко реагируют на изменение предпочтений нового поколения потребителей: «Арендовать, а не покупать – тренд последних лет, ведь новое поколение потребителей не хочет тратить время и деньги на владение имуществом, предпочитая платить за то, чем действительно пользуется» – отмечает коммерческий директор Санкт-Петербур-

¹⁵ Number of car sharing users worldwide from 2006 to 2025 // Statista Research Department. August 2016. (<https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/>).

¹⁶ Об этом подробнее см.: Головкин П. В мегаполисах будущего пассажир станет пользователем // ИГ-Наука. 22.01.2020.

бургской компании ГК Docklands development. Эту же тенденцию отмечает вице-президент компании Vesar Asset Management: люди поколения Z не стремятся зарабатывать безумные деньги, владеть квартирами и машинами, приобретать предметы роскоши. Они дорожат гибкостью и свободой, которую дает совместное потребление, аренда и другие механизмы шеринговой экономики¹⁷.

Такой ее стремительный рост поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами (рис. 3).

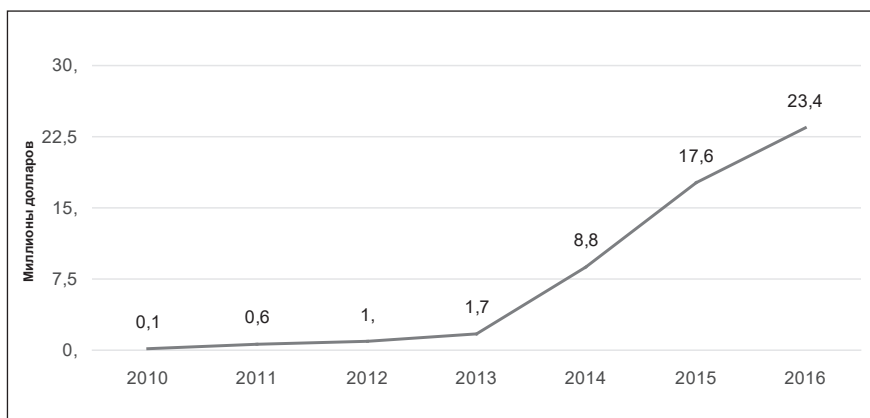

Рис. 3. Кумулятивные инвестиции в шеринговые стартапы, 2010–2016 гг. Источники: Wallenstein J., Shelat U. Hopping aboard the sharing economy. Boston Consulting Group. Henderson Institute. August 22. 2017. P. 5 (http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Hopping-Aboard-the-Sharing-Economy-Aug-2017_tcm104-168558.pdf).

Таким образом, *развитие шеринговой экономики – это феномен, который представляет собой одну из важных форм изменения структуры экономики, накладывающейся на изменение сути отношения собственности, на пути к новому качеству общественного развития – НИО.2 и ноономике*. Генезис последних, в свою очередь, рождается объективным процессом – технологическим развитием, которое на определенном этапе приводит к необходимости социализации собственности и, в частности, к шерингу, что еще раз подтверждает правомерность сформулированного нами вывода.

На тот несомненный факт, что именно развитие современных технологий привело к быстрому росту шеринговой экономики, обращает внимание большинство исследователей этой темы. «... Шерин-

¹⁷ Романова А. Шеринг в недвижимости – экономика бедности или разумного потребления? // Фонтанка.ру. 02.02.2020. (<https://www.fontanka.ru/2020/01/29/061/>).

говой экономике, – пишет, например, П. Байлунг, – способствовали достижения в технологии наравне со сдвигом предпочтений потребителей от благ к услугам и от собственности к аренде»¹⁸. Р. Белк также подчеркивает, что современная практика шерингового обмена имеет две общие черты: «применение ими моделей временного доступа к используемым потребительским благам и услугам, не основанным на владении собственностью; их опора на Интернет и в особенности на Web 2.0, чтобы добиться этого»¹⁹.

Фактически шеринговая экономика выступает в качестве переходной экономической формы, сочетающей в себе как утилитарно-экономические, так и неэкономические мотивы. «...Сложился общий консенсус относительно того, что любой тип шеринговой экономики, вероятнее всего, принесет более широкий круг доступных возможностей для своих участников и, возможно, более серьезное внимание к долгосрочным целям, таким, как устойчивое развитие, равно и расширяющаяся опора на социальные, нежели на экономические сигналы при обеспечении организованной экономической деятельности»²⁰.

Вглядываясь в феномен шеринговой экономики, А. Сундарараян задается вопросами: «Капиталистическая или социалистическая? Коммерческая экономика или экономика дарообмена? Рынок или иерархия? Глобальное или локальное экономическое воздействие? Регулирующий арбитраж или саморегулируемое волеизъявление? Централизованная или децентрализованная оценка стоимости? Правомочный предприниматель или бесправный трутень? Ликвидация рабочих мест или создание работы? Изолированные или взаимосвязанные сообщества?». Его собственное мнение таково: «Как вы можете представить себе сейчас, ответ на каждый из этих вопросов в шеринговой экономике – да»²¹.

Понятно, что сочетание столь противоречивых тенденций не может не вести и к противоречивым последствиям. Наряду с размыванием прав собственности и ростом круга акторов, включенных в отношения собственности, развивается и обратный процесс концентрации капитала и экономической власти в руках ограниченного круга собственников.

Подчеркнем: встроенность шеринг-экономики в капиталистическую систему отношений делает ее внутренне противоречивой. Наряду с прогрессивной тенденцией размывания системы прав частной

¹⁸ *Bylund P.* Is the Sharing Economy Exploitative? // Mises Institute. 08/24/2018. (<https://mises.org/power-market/sharing-economy-exploitative>).

¹⁹ *Belk R.* You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online // The Journal of Business Research. Volume 67. Issue 8. August 2014. P. 1595–1600.

²⁰ *Sundararajan A.* The Sharing Economy. The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. Cambridge, Massachusetts: MIT Press. 2016. P. 27.

²¹ *Ibid.* P. 156.

собственности и снижения издержек для потребителя ряд ее форм несет и тенденцию увеличения социального отчуждения. Это касается, в частности, так называемой *gig economy*, связанной с использованием частичной, временной и т.п. занятости, которая, как правило, не создает для работников социальных гарантий, может приводить к чрезмерному увеличению продолжительности рабочего времени и нарушению других социальных норм. Кроме того, важно иметь в виду и то, что развивающиеся в настоящее время формы ассоциирования противоречиво сопрягаются с мировыми трендами роста концентрации богатства в руках финансового капитала.

Ряд исследователей отмечает, «что шеринговая экономика служит маской для интенсификации неолиберальных экономических практик, и что наличие аутентичных практик шеринга действует как идеологическое прикрытие доминирования чисто рыночной логики»²².

Еще одна важная черта исследуемого нами феномена: *шеринговая экономика в достаточной мере неоднородна по структуре*. Значительная часть ее выступает как частный бизнес, основанный на традиционных критериях рентабельности, и участие в нем пользователей также мотивируется экономически – возможностями снизить издержки потребления. Однако и в таком бизнесе, еще более в экономике свободного доступа, пробивает себе дорогу тенденция отказа от многих функций собственности. Нет необходимости владеть и распоряжаться, достаточно лишь пользоваться.

Не только шеринг...

Высшей формой отказа от отношений собственности выступает *общедоступность использования благ* (то, что в постсоветском марксизме названо «собственностью каждого на все»²³, простейшими примерами чего служат публичная библиотека или википедия).

В значительной мере переход к временному использованию собственности без приобретения права распоряжения, а часто и владения, определяется возросшей скоростью технологических изменений. Нет экономического смысла приобретать в полную собственность агрегаты, которые через несколько лет устареют. Нередко собственник таких агрегатов может брать на себя дополнительные обязательства перед пользователем по их ремонту и модернизации.

²² Pedroni M. Sharing economy as an anti-concept // First Monday. Volume 24. Number 2–4. February 2019. (<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/91113/7732>).

²³ Бузгалин А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2.

Другая тенденция, также ведущая к размыванию собственности, – дробление капитала. Не зря современная «экономическая теория прав собственности» так много внимания уделяет проблеме расщепления правомочий и размывания прав собственности. Уже возникновение акционерной собственности ведет к еще более сложному расщеплению прав собственности, нежели на владение, пользование и распоряжение. Акционеры уже не обладают правом собственности на капитал в полном объеме. Более того, совокупность их правомочий зависит от типа акций и объема пакета акций.

Функции присвоения в рамках отношений собственности также претерпели большую эволюцию: уже в первой половине XX в. стало очевидным, что произошло расщепление данных функций между владельцами капитала и управляющими. К этим проблемам обращался ряд исследователей (Т. Веблен²⁴, А. Берли и Г. Минз²⁵, С. Чейз²⁶ и др.) еще до того, как Дж. Бернхем получил известность, блеснув ярким термином «революция управляющих» и утверждением, что капиталистическое общество сменяется менеджеральным²⁷.

На самом деле расщепление функций собственности – еще более глубокое явление, нежели их деление между акционером и управляющим. Дж. К. Гэлбрейт²⁸ показал, что реальное использование капитала переходит в руки целой армии специалистов, образующих «техноструктуру» корпорации. Но и это еще не все. Ведь конечным пользователем элементов капитала выступают все наемные работники, хотя, разумеется, каждый из них выполняет лишь небольшую частичную функцию.

Сейчас вместе с технологическим прогрессом на место «синих» и «белых» воротничков приходят роботы и искусственный интеллект. Что происходит с отношениями собственности, когда ряд функций переходит от людей к техническим существам? Как, например, быть с ответственностью пользователя в случае, если аварию совершил робот-водитель? Ответственность за ущерб может быть возложена на владельца, а ответственность за нарушение правил дорожного движения?

Функции пользования и даже распоряжения уже начинают понемногу «уплывать» от человека. Дальше эволюция в этом направлении лишь ускорится.

Вследствие принципиально иной, практически беспредельно широкой доступности/возможности удовлетворения разумных челове-

²⁴ Veblen T. *The Engineers and the Price System*, 1921. Kitchener. Batoche Books. 2001.

²⁵ Berle A. A., Means G. C. *The Modern Corporation and Private Property*. New York: The Macmillan Company. 1932.

²⁶ Chase S. *A New Deal*. New York. The Macmillan company. 1932.

²⁷ Burnham J. *The Managerial Revolution. What is happening in the world*. N.Y. A John Day Book. 1941. P. 71.

²⁸ Гэлбрейт Дж. К. *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс, 1969.

ческих потребностей в НИО.2 резко упадет значение базового отношения присвоения продукта. Как, заметим, и основного, по мысли классиков марксизма, противоречия капитализма: между общественным характером производства и частным способом присвоения. Производство станет «отделенным» от человека, а «присвоение» – актом простого и предельно доступного удовлетворения потребности без ущерба прочим индивидам.

Основы диффузии и размывания прав собственности, развития ассоциирования собственности материальны и лежат в сфере технологических изменений. Под влиянием НТП по мере постепенного продвижения к НИО.2 и ноономике значение собственности как инструмента наиболее надежного удовлетворения потребностей падает; потребности все чаще можно удовлетворять, не владея собственностью *абсолютно*, а лишь используя предмет собственности *частично*, присваивая либо результаты владения им временно, либо владея только отдельными полномочиями в отношении него (типа права пользования).

При этом, с одной стороны, развитие шеринг-экономики есть результат (и, как указывалось, в определенном смысле индикатор) влияния НТП на экономические формы удовлетворения потребностей. С другой стороны, шеринговая экономика способствует повышению эффективности использования ресурсов, снижению затрат, удешевлению и повышению качества удовлетворения потребностей, высвобождению времени и многому другому. Все это, собственно, есть слагаемые продвижения экономической реальности к экономике НИО.2 и далее – к ноономике.

Безусловно, эти процессы социализации собственности развивались и ранее, но имели ограниченное распространение и были, как правило, недостаточно результативны и в технологическом, и в экономическом, и в социальном отношениях, ибо всякий раз, в условиях предыдущих социально-экономических и технологических укладов, проявлялись в недостаточно эффективных формах. Речь идет о кооперативах, коллективных предприятиях и иных формах *«экономики солидарности»*. Именно поэтому ни кооперативы, ни коллективные предприятия не получали и не получили широкого распространения в мировой экономике, оставаясь отдельными более или менее удачными примерами типа мондрагонской группы кооперативов в Испании²⁹.

Эти формы, при их в принципе перспективно-прогрессивной направленности, слишком радикально и формально уничтожали те частные прогрессивные достижения, которые принесла экономике частная капиталистическая собственность. Ее отрицание должно быть не грубо насильственным, а позитивно-экономическим, вно-

²⁹ Об этом подробнее см.: Колганов А. И. Опыт ESOP и мондрагонских кооперативов // От наемного труда к свободному. Самоуправление или «третий путь» в экономике. Под ред. С. Федорова. М.: Слово, 2001.

сящим начала ассоциированности там и тогда, где и когда они дают бóльшую эффективность и базируются (становятся эффективно реализуемыми) на прогрессивных технологических достижениях, обеспечивая в то же время при этом сохранение адекватно значимых отношений частного присвоения и распоряжения. Именно таковы и перечисленные формы совместного использования благ в производстве и потреблении, диалектически сочетающие частные и ассоциированные начала. При этом активное развитие данных форм, приобретающее в последние годы ускоряющийся характер, стало возможным с переходом к новому технологическому укладу в рамках начавшейся четвертой индустриально-технологической революции.

Какими же могут быть пути продвижения в экономику НИО.2 и ноономику, соответственно, пути предотвращения негативных трендов, становящихся все более заметными в настоящее время?

Сейчас, в 2020 г., можно сделать самый главный акцент: мы стоим на пороге качественно новых вызовов и угроз. Это не только начинающийся мировой экономический кризис и пандемия. Это – целый комплекс обострившихся до предела глобальных проблем. Они со всей очевидностью требуют понимания того, что для нас не так важен рост экономики, о чем сегодня говорят все и всюду, как его качество, а значит – технологический прогресс. Но и сам по себе прогресс технологий – не конечная цель и не высшая ценность. Такой целью и ценностью остается человек, его жизнь.

Если основное внимание в этой статье посвящено тем социально-экономическим отношениям, которые объективно видоизменяются, «переформатируются», рождаются вновь под влиянием технологического развития (прежде всего – трансформациям в сфере отношений собственности), то только потому, что эти процессы создают предпосылки для развития отношений солидарности, которые так востребованы сегодня для защиты жизни человека, для будущего прогресса человеческих качеств. Эти предпосылки не возникают одновременно, они не рождаются подобно Венере из пены морской. Ассоциирование собственности и соответствующие трансформации капитала, снижающие меру отчуждения большинства от общественного богатства, рождающие многообразие форм ассоциированного использования, распоряжения и присвоения – вот основа прогресса человека. Движение по этому пути должно идти эволюционно, неустанно.

Таково объективное условие предотвращения глобального кризиса. Такова основа стратегического курса, который, в свою очередь, должен стать основой тактических решений конкретных задач экономической политики.